

Елена Морозова

КОРОЛЬ И РЕВОЛЮЦИЯ

К 226-й годовщине взятия Бастилии

14 июля 1789 года парижский народ взял штурмом Бастилию, королевскую тюрьму-крепость, ставшую символом абсолютизма, королевского деспотизма и произвола. Так началась революция, вошедшая в Историю под названием Великая, или просто Французская — с большой буквы, в отличие от иных революций, коими богата история Франции. Взрыву народного возмущения предшествовал целый ряд невзгод и событий, не последняя роль в которых отводилась королю, стоявшему у руля государственного корабля и направлявшего его...

Куда вел корабль тысячелетней монархии Людовик XVI, король, считавший, что лучше пусть толкуют его молчание, чем его слова? Король, молчаливо осуждавший распутное поведение своего деда, Людовика XV, и назначивший главным советчиком семидесяти-трехлетнего графа де Морепа, в свое время попавшего в опалу за сочинительство фривольных куплетов? Король набожный и добродетельный, выставленный памфлетистами как подкаблучник, пьяница и рогоносец? Король, ставший монархом волею судьбы, но против собственной воли, не готовый и не обученный быть королем?

Людовика XVI казнили 21 января 1793 года по приговору Национального Конвента, через четыре месяца после провозглашения Франции республикой. Осудили не за конкретные ошибки, а за то, что был королем, ибо, как определили его судьи, «невозможно царствовать, не будучи виновным». Позабыв, что именно он, несмотря на убежденность в сакральном характере королевской власти, стал первым монархом, поддержавшим борьбу американских инсургентов за свободу и равенство, против власти английского короля.

Замкнутый, словно устрица в раковине, на фоне бурной говорливой эпохи, он казался тусклым и мрачным, отчего и поступки, и деяния его казались мелкими и бесцветными. Он успел осуществить

целый ряд реформ и перемен к лучшему: отменил принудительные работы, пытки заключенных и крепостное право (на 1779 год во Франции насчитывалось около миллиона крепостных крестьян), поддержал отмену рабства, финансировал из личной шкатулки эксперименты братьев Монгольфье, отменил специальный налог, который народ платил при восшествии на трон очередного монарха, постоянно жертвовал на благотворительность... Но успехи его не замечали, а ошибки не прощали. Знать винила его как в том, что он проглядел наступление революции, так и в том, что бездействием своим способствовал ее приходу, забывая, что они сами постоянно блокировали поддержанное королем предложение распределить налоговое бремя по всем без исключения жителям королевства. Народ видел в короле лишь бледную тень его жены Марии Антуанетты из австрийского дома Габсбургов, яркой, легкомысленной личности, которой приписывали все мыслимые и немыслимые пороки.

«В каждом сословии свои достоинства: добродетели владыки на троне не равны добродетелям обитателя хижины, и для того, кто распоряжается людскими судьбами, добродетели простолюдина могут обернуться пороками», — писал маркиз де Сад, и с ним, видимо, придется согласиться. Ибо Людовика изначально тянуло к добродетельной жизни почтенного ремесленника. Возможно, потому, что он не любил общества и шума, но более всего принятия решений. Он мог сутками пропадать на охоте (считавшейся королевским занятием) и часами возиться у себя в мастерской, слесарничая и собирая часовые механизмы (дело отнюдь не королевское). Дед его, Людовик XV, на досуге тоже работал на токарном станке, вытачивая из дерева фигурки; но если для него токарный станок был одним из многочисленных развлечений, внук его к работе у себя в мастерской относился со всей серьезностью и обстоятельностью.

На троне добродетели Людовика, действительно, оказались невостребованными. Впрочем, для трона его никто не воспитывал. Он родился 23 августа 1754 года в Версале, когда у его родителей, мрачного святоши дофина Франции Людовика-Фердинанда и его супруги Марии Жозефы Саксонской уже было трое детей: два мальчика и девочка. Так что никто даже не помышлял, что новорожденный, получивший титул герцога Беррийского, когда-нибудь унаследует корону. Однако через год после его рождения скончался один его старший брат, а через семь лет и другой, носивший титул герцога

Бургундского, любимый ребенок, на которого все смотрели как на наследника престола. Родители открыто выражали свое горе и находили утешение в младших братьях Людовика — живых, темноволосых и черноглазых герцоге Прованском и графе д'Артуа. Людовик, не похожий на братьев, к числу любимых сыновей не относился и остро это чувствовал. Высокий, с водянистыми голубыми глазами, нескладный и склонный к полноте, он не обладал ни юношеским задором, ни королевским величием. Застенчивый, скованный, уверенный, что его «никто не любит», он чурался общества даже собственных братьев, шаловливых и падких на задорное словцо, и патологически никому не доверял, включая себя самого. Но, в отличие от братьев, он любил учиться. Учение давалось ему без мучительного труда; он хорошо знал математику, историю, право, географию, с удовольствием рисовал географические карты, знал латынь, практически самостоятельно выучил английский. Ряд историков отмечают, что Людовик XVI был едва ли ни самым образованным королем, когда-либо занимавшим трон Франции.

Заняв после смерти брата первое место в очереди на звание дофина, юный Людовик начинает вести дневник, где педантично расписывает события каждого дня практически вплоть до конца своей жизни. И основным словом данного дневника становится «ничего». А единственным событием, которому Людовик уделяет внимание, выступает охота и охотничьи трофеи. Возможно, потому, что когда отец наказывал маленького Людовика, он не брал его с собой на придворную охоту. Нереализованное желание навечно занозой засело в его душе. Впоследствии, когда временами охота становилась едва ли не основным его занятием, заноза по-прежнему давала о себе знать. Если судить по дневнику, король Людовик XVI за свою жизнь настрелял 189 254 штуки дичи и убил 1274 оленя, не считая мелкой птицы. Самым крупным достижением в истреблении пернатых следует считать день, когда он подстрелил 200 ласточек. Сухие, немногословные записи сопровождают и встречу с будущей женой, и свадьбу, и рождение детей. И даже начало революции: «Вторник, 14-е. Ничего». Что значат столь скупые строки — отсутствие эмоций или, напротив, стремление скрыть их? А ведение дневника — своего рода самоорганизующее начало?..

В 1765 году скончался отец Людовика, завещав сыну, который становился дофином Франции, «любовь к Богу и к религии». Тог-

да правящий король Людовик XV с сожалением прошептал: «Бедная Франция! Каково ей — пятидесяти шестилетний король и одиннадцатилетний дофин!» Но сожаления эти носили достаточно абстрактный характер, ибо король, сам не любитель заниматься государственными делами, не собирался готовить внука к будущей «должности». А несколько выездов вместе с дедом на учения отбили у Людовика охоту к бряцанию оружием. Если не считать поддержки американских инсургентов и вытекавшее из этого шага объявление войны извечному сопернику Англии, Людовик XVI в военные конфликты не ввязывался, предпочитая роль миротворца, что значительно укрепило положение Франции на международной арене, изрядно расшатанное поражением в Семилетней войне. Не прибегал он к силе армии и внутри страны. Утром 15 июля, осознав, что, возможно, герцог де Лианкур, сообщивший ему о взятии Бастилии, был прав, и мятеж парижан, действительно, является началом революции, он немедленно пообещал убрать из Парижа вызвавшие возмущение народа войска. «Я всегда со своим народом», — сказал тогда король. «Ах, мой король, вы и вправду говорите искренне?» — выкрикнула из толпы какая-то женщина. И Людовик ответил: «Да, милая, так будет всегда, и я никогда не изменю своего решения». И не изменил. «У двора было достаточно возможностей, чтобы подавить народные выступления. Версаль заполнился верными королю полками, в Париже, в Сен-Дени и иных предместьях также сконцентрировалось немало сил, готовых защищать короля. Следовало лишь отдать приказ, и мятежники были бы мгновенно рассеяны, а мятеж усмирен», — свидетельствовал современник.

Тем не менее, Людовик XV позаботился о будущем короле, выбрав ему в супруги очаровательную принцессу Марию Антуанетту из австрийского дома Габсбургов, бывшего соперника, а нынешнего союзника Франции на европейской политической арене. Брак должен был укрепить молодой франко-австрийский альянс, а красота юной супруги и податливый характер столь же юного супруга смягчить императивность брака по политическому расчету. Но оказалось, ни по характеру, ни по воспитанию, ни по темпераменту жених и невеста несколько не подходили друг к другу. Она любила общество, балы, маскарады, театр, карты, он — географию и карты географические, море, слесарное дело и охоту. Она ела мало, пила только воду, он же любил поесть и не чурался вина. Как пишут психологи, расска-

зы о склонности Людовика XVI к обжорству, свидетельствуют, скорее, о том, что король нередко впадал в депрессию, и еда становилась своеобразным способом перебороть ее, особенно когда не было возможности отправиться на охоту. Из-за равнодушия Людовика к женским прелестям долгожданные наследники, в коих смешалась кровь Бурбонов и Габсбургов, стали появляться на свет лишь спустя семь лет после заключения брака, что также стало одной из причин если не революции, то скорого ее приближения. Не зная, как справиться с ситуацией, преследуемая грозными окриками (пусть письменными) матери, властной императрицы Марии Терезии, возлагавшей на дочь ответственность за отсутствие наследников, Мария Антуанетта искала забвения в развлечениях, становившихся все более вызывающими и дорогостоящими. Людовик же, избавившись от гувернера, настраивавшего его против австрийской принцессы, постепенно влюблялся в собственную жену и, не в силах исправить положение с рождением наследника, ни в чем ей не отказывал. И, не помышляя о государственном долге и дефиците бюджета, королева, покупала бриллианты и раздавала пенсии своим личным друзьям, делала огромные карточные долги и производила архидорогостоящие работы в подаренном ей супругом Малом Трианоне, небольшом уголке Версальского парка, в центре которого находился изящный павильон, построенный Габриэлем. Долгожданный первенец — дочь Мария Терезия, официально именуемая Мадам Руаяль, «королевская дочь», а через три года и долгожданный наследник — дофин Людовик Иосиф, по-человечески сблизили супругов; у обоих появилось чувство семьи. Чувство это, с началом революции пробудившееся с особой силой, не позволило им расстаться и, возможно, спастись от преждевременной гибели, ибо поодиночке они, скорее всего, смогли бы покинуть охваченную пламенем революционного пожара Францию.

Устроив брак внука-дофина, а затем и его младших братьев, Прованса и Артуа, и примирив молоденькую супругу дофина со своей фавориткой мадам Дюбарри, Людовик XV предоставил молодым наследникам полную свободу действий, не отягощая их ни учением, ни государственными заботами. Сам дофин желания хотя бы постоять у руля государственного корабля не проявлял. Однако 10 мая 1774 года беззаботная жизнь Людовика и Марии Антуанетты

окончилась. После долгой и продолжительной болезни Людовик XV скончался (от оспы), оставив своему преемнику расстроенные финансы, огромный государственный долг, конфликт с Парижским парламентом (судебной палатой) и шкатулку с 50 000 франков (хотя в Париже судачили о миллионах). Поняв, что случилось страшное — они стали королем и королевой, — дофин и дофина, не сговариваясь, упали на колени и взмолились: «Боже милостивый, направь нас и защити! Мы еще слишком молоды, чтобы править!» Но обратного пути не было. Людовику и Марии Антуанетте предстояло привыкать к своим новым ролям. Впрочем, обожающая сцену королева быстро сумела извлечь преимущества из нового положения, и стала развлекаться еще больше прежнего.

Людовик XVI быстро ощутил тяжесть короны. Не разбираясь в государственных делах, не зная министров, стоявших подле его деда у государственного руля, он, запершись на неделю у себя в кабинете, старательно осваивал новые обязанности. Ознакомившись с состоянием дел, он пришел к печальному выводу: повсюду — в финансах, экономике, политике и даже духовной и моральной сфере — царил кризис. И все же французы уповали на своего нового, двадцатилетнего короля. Его предшественник не отличался набожностью, его любовницы открыто разоряли государственную казну. Молодой король был набожен, серьезен и строгих правил; казалось, при таком короле должны воцариться спокойствие, благопристойность и изобилие. Тем более что первым его шагом на королевском поприще стал отказ в пользу бедных от 200 тысяч ливров, причитавшихся ему по случаю вступления на престол. Затем последовало сокращения расходов на содержание двора, что вызвало великое возмущение братьев короля.

Совершив простые и понятные шаги, Людовик в нерешительности остановился. Несмотря на неплохую работоспособность, он понимал, что не может лично, без помощников, решать все задачи. И, словно исполняя завет тещи, императрицы Марии Терезии, советовавшей дочери-королеве ничего не менять в заведенных порядках, назначил первым министром, а точнее, ментором, престарелого Морепа, бывшего морского министра и искушенного придворного. В отличие от королевы, старавшейся окружить себя молодыми веселыми лицами, нерешительный король прислушивался к советам сварливых тетушек, незамужних дочерей Людовика XV и оказывал

благоволение тем, кого именовали «старый двор». Не умея мыслить государственно, не имея собственных политических идей, он на протяжении всего своего царствования будет придерживаться «нерушимых устоев», напоминая капитана, который, стоя на корме судна, плывет по течению, обратив взор в прошлое и не видя ни подводных камней, ни рифов, что ждут его на пути.

Исследователи подсчитали, что за восемнадцать с половиной лет правления Людовика XVI сменилось 67 министров, среди которых некоторые занимали министерские посты дважды, а знаменитый Неккер даже трижды. Таким образом, каждые три месяца в правительстве менялся один министр. Многие современники утверждали, что король не выдвигал на министерские посты истинно достойных людей, опасаясь, что они своим умом и энергией возьмут над ним верх. Более вероятно, что министров, радеющих о государстве, двор встречал в штыки, а нерешительный король не мог ему противостоять. Так, Людовик уволил радикального реформатора Тюрго, предлагавшего ввести равное налогообложение для всех французов. «Кроме вас и меня нет никого, кто бы принимал интересы народа близко к сердцу», — со слезами на глазах писал король Тюрго, отправляя министра-реформатора в отставку. Впрочем, выбор Людовика не всегда оказывался неудачен: например, граф де Верженн, назначенный министром иностранных дел, по мнению ряда историков, стал наиболее мудрым министром, в ведении которого находилась внешняя политика Франции.

Несмотря на собственный призыв к экономии, Людовик с возмущением отверг предложение «партии философов» не устраивать церемонию помазания на царство, традиционно происходившую в Реймсе и требовавшую изрядных затрат. Отверг и предложение ради экономии провести обряд в Париже. Церемониал помазания на царство относился к «нерушимым устоям», символизируя мистический союз монарха и народа. Возможно, именно заключение этого союза стало причиной активного нежелания короля покидать революционную Францию: в душе он наверняка продолжал считать себя в ответе за свой народ.

Однако благие мысли Людовика зачастую расходились с его действиями. Первой его большой ошибкой, обусловленной привычкой смотреть назад, стало возвращение распущенных его предшественником прежних парламентов (судебных палат), выступавших храни-

телями законов, обычаев и сословных привилегий. В обязанности Парижского парламента, в частности, входила регистрация королевских указов. Но парламент мог заартачиться и указ не регистрировать. Тогда устраивали заседание, именовавшееся «ложе правосудия»: король лично являлся в парламент и сам вносил закон, который судьи были обязаны одобрить. Но чем ниже падала популярность монархии, тем более независимо вели себя парламенты. Спаянные корпоративным духом, они от имени народа начнут бороться против короля, когда тот — как это ни парадоксально — попытается покуситься на привилегии знати.

Жалея об отставке Тюрго, король призвал в правительство женевского банкира Неккера, завоевавшего популярность у французов скромным образом жизни и широкой благотворительностью. Приняв предложенный ему пост генерального контролера финансов, Неккер, подобно самому Людовику, первым делом попытался урезать расходы на содержание двора. Но вскоре возникла еще одна — и немалая — статья расходов. 4 июля 1776 года американские инсургенты объявили себя самостоятельным государством и приняли Декларацию независимости, признававшую всех людей равными и наделенными неотчуждаемыми правами на жизнь и свободу. Сторонник традиционной антианглийской политики Верженн убедил короля подписать договор с Франклином, полномочным послом нового государства, получившего название Соединенных Штатов Америки. Заключив союз с молодым заокеанским государством, Франция одновременно вступила в противоборство с Англией. Помощь Америке потребовала новых расходов (именно поэтому Тюрго выступал против союза с инсургентами), которые обычно компенсировали за счет новых налогообложений. Неккер же, проявив чудеса финансовой эквилибристики, пошел по пути режима экономии: сократил четыреста шесть должностей в Королевском доме, вызвав очередной бурный протест дворцовой камарильи, сократил министерский бюджет, реорганизовал откупа, упорядочил сбор налогов и между 1777 и 1781 годами выпустил семь займов, получив для казны 560 миллионов ливров.

Договор с американцами подписали, и, сколько бы ни жалел потом Людовик, обратного пути не было. А он наверняка жалел. Ведь даже английская конституционная монархия не вызывала у него симпатий; убежденный, что абсолютная власть короля происходит

от Бога, покушение на нее он расценивал как святотатство. Поддержав американскую революцию, отправив за океан экспедиционный корпус генерала Рошамбо (вместе с которым отбыл возлюбленный Марии Антуанетты шведский граф Аксель Ферзен), король сделал важный шаг навстречу прогрессивной общественности своей страны. Ибо хотя этот договор вверг Францию в финансовую бездну, несравнимую с той, куда влекли ее расходы королевы, общественное мнение встретило его с восторгом. Заокеанская Декларация независимости, свобода прессы, отказ от официальной религии и ряд иных реформ стали, по мнению ряда историков, для французов своеобразной «грамматикой свободы». Но далее идти навстречу чаяниям общественности король не собирался, и когда в Париж прибыл восьмидесятитрехлетний властитель дум Вольтер, Людовик XVI не только отказался принимать его, но и запретил встречаться с ним падкой до знаменитостей жене. Запрет стал для братьев короля и дворцовой камарильи прекрасной возможностью противопоставить себя королю: принцы открыто принимали у себя Вольтера. Отказ встретиться с фернейским отшельником общественное мнение, новая сила, обладавшая уже вполне реальной мощью, восприняло негативно.

Вскоре король на время позабыл не только о делах, но и об охоте: 19 декабря 1778 года у него родилась дочь. В восторге от младенца, король целую неделю, пока королева оправлялась после родов, не ездил на охоту и все свободное время проводил с семьей. На радостях он даже отменил старинный обычай — собирать при родах королевы множество зрителей. А так как Франция не получила дофина, то роды не должны были стать для королевы последними, а она не намеревалась снова подвергаться столь унижительной процедуре. Страна же испытала великое разочарование, усугубившееся из-за летней засухи. Голодный народ, усматривавший главную причину своих несчастий в расточительной королеве, не мог удовлетвориться рождением принцессы вместо долгожданного дофина. Ибо все помнили и знали, что отсутствие прямых наследников престола всегда ввергало страну в беды и катаклизмы. Даже широкомасштабные благотворительные акции, проведенные по случаю рождения принцессы — бракосочетание ста пар «бедных добродетельных девушек» и «честных работников, получавших от королевы 500 ливров приданого, раздача беднякам в Версале двенадцати тысяч ливров, столы с хлебом, вином и мясом на улицах столицы, — впечатления на на-

род не произвели. Зло свершилось: у французов сложилось отнюдь не лестное мнение о своей королеве. Ее считали легкомысленной. Подозревали в шпионаже в пользу Австрии и сомневались в ее супружеской верности. Клевета расплзалась по всему королевству, причем чем нелепее, тем больше в нее верили. Ибо клевета никогда не требует подтверждения и именно нелепостью своей завоевывает массы. Но и король, и королева, пребывая в замкнутом мирке Версаля, делали вид, что не замечают ее.

Отлучаясь из Версаля только в более или менее дальние охотничьи угодья, Людовик продолжал любить море и все, что с ним связано. Записки капитана Кука, открывателя новых морских путей, произвели на него столь великое впечатление, что он загорелся мыслью снарядить собственную, французскую экспедицию. 1 августа 1785 года эскадра из двух судов, «Буссоль» и «Астролябия», под командованием капитана Лаперуза отправилась на освоение неизученных и малоизученных путей и земель. Людовик лично разрабатывал маршрут экспедиции, рассчитанной на три года, лично писал инструкции для капитана и экипажа, подбирал команду ученых: астрономов, ботаников, зоологов, химиков, энтомологов. Но экспедицию постигла неудача: экипажи обоих судов и ученые были перебиты жителями острова Ваникоро, входящего в состав архипелага Соломоновых островов. В 1791 году Людовик добился от Национального собрания отправки экспедиции на поиски Лаперуза; экспедиция вернулась ни с чем, но Людовик об этом уже не узнал. Поэтому перед самой казнью он спросил: «Нет ли известий о господине Лаперузе?»

При всей своей увлеченности морем и кораблями, Людовик XVI видел море своими глазами всего лишь раз — во время недельной инспекционной поездкой в Нормандию, в порт Шербур, где десять лет назад, ввиду предстоящей войны с Англией, он приказал построить новую военно-морскую базу. В порту он посетил несколько военных кораблей, понаблюдал за разыгранным специально для него морским сражением, вышел в открытое море и дошел почти до берегов Англии. Наконец-то он чувствовал себя в своей стихии! Со знанием дела он расспрашивал инженеров и матросов, с нескрываемым удовольствием обсуждал технические подробности кораблестроения и фортификации. Бодрый, обветренный и загорелый, он возвратился в Версаль, где королева едва узнала его, настолько он казался свободным, уверенным и раскованным.

Поездка Людовика совпала с ожиданием вердикта по знаменитому делу об ожерелье. Суть его сводилась к тому, что авантюристке королевской крови по имени Ла Мотт удалось настолько задурить голову главному датарю Франции кардиналу Рогану, что тот якобы по поручению королевы приобрел у придворных ювелиров Бемера и Бассанжа бриллиантовое ожерелье стоимостью в 1 600 000 ливров (стоимость хорошо оснащенного боевого корабля). Ювелиры и прежде предлагали свое произведение Марии Антуанетте, но та упорно от него отказывалась. Ла Мотт же убедила Рогана, что королева, наконец, решила приобрести драгоценность, но хочет это сделать это тайно от короля, и просит его выступить посредником; в записке она обещала частями выплачивать искомую сумму и даже передала задаток. Тщеславный кардинал исполнил просьбу, ювелиры отдали ему ожерелье, тот передал его Ла Мотт, а задаток отдал ювелирам. Но больше ювелиры денег так и не получили. А так как кардинал сам ничего не понимал, то разорившиеся ювелиры отправились во дворец требовать правосудия.

Разразился скандал; оскорбленная королева потребовала арестовать кардинала, воспользовавшегося ее именем, дабы опорочить ее и обогатиться самому. Людовик, у которого к этому времени было уже трое детей, прощал супруге буквально все и исполнял все ее просьбы. Повелев арестовать Рогана, король, пожелавший лично услышать, какова судьба ожерелья, с изумлением узнал, что кардинал отдал его «подруге» королевы, графине де Ла Мотт-Валуа, доставившей ему записку от королевы, где та просила его выступить посредником при приобретении ожерелья. И предъявил записку, при первом же взгляде на которую король понял, что подпись королевы подделана. Получалось, что кардинал сам был обманут. Но Мария Антуанетта жаждала мести за нанесенное ей оскорбление. Король был готов наказать кардинала, но кулуарно, без шума, королева же требовала публичного осуждения. И король совершил еще одну роковую ошибку: предоставил кардиналу выбор — королевский суд или суд парламентский. Желая публично оправдаться и восстановить честь своего имени, кардинал выбрал парламент. Считая парламент послушным королевской воле, королевская чета с его выбором согласилась, не сомневаясь, что этот суд вынесет кардиналу обвинительный приговор в оскорблении величеств. Но парламент, давно пребывавший в оппозиции к двору, кардинала оправдал. Правда,

такое оправдание выставляло кардинала дураком, попавшимся на удочку мошенников, зато подразумевало осуждение королевы, в кругу которой, а особенно за ее игорным столом, нередко мелькали разного рода сомнительные личности. Публика была уверена, что королева если и не сама организовала интригу, дабы расплатиться с очередными карточными долгами, то, по крайней мере, была в курсе событий. Людовик, слишком поздно сообразивший, какую ошибку он совершил, пребывал в отчаянии. Авторитет монархии упал как никогда низко: запутанная история об исчезновении драгоценного ожерелья предоставляла безграничные возможности для клеветнических измышлений. На мутной волне кризиса многие знатные персоны мечтали сменить династию и возвести на трон герцога Орлеанского. Король подвергался атакам не только «слева», со стороны народа, испытавшего на себе все тяготы финансового кризиса, но и «справа», со стороны придворных клик, жаждавших любой ценой не только сохранить свои привилегии, но и преумножить их.

Уступки, полученные в результате заключенного в 1783 году мира с Англией, не покрывали дефицит бюджета, которому война нанесла гораздо большую брешь, нежели платья и брильянты Марии Антуанетты, а торговое соглашение 1786 года, открывшего английским товарам свободный доступ на французский рынок, и вовсе перечеркнуло его выгоды. Торжество новых идей нанесло удар вековым, точнее, средневековым основам монархии. Реформы становились необходимы, как воздух. В августе 1786 Калонн, очередной генеральный контролер финансов, представил королю «проект улучшения финансового положения», включавший в себя большую часть реформ, ранее предложенных Тюрго и Неккером, и убедил короля в необходимости созвать собрание нотаблей — представителей дворянства, духовенства и городских верхов, назначенных королем. Людовик XVI полагал, что после одобрения знатью парламенты утвердят предложенные реформы; но его расчет не оправдался. Открывшееся 22 февраля 1787 года собрание погрязло в пустопорожних дебатах, так и не приняв никаких решений. Стремясь остановить летящую в финансовую пропасть страну и начать проводить реформы, Людовик попытался создать новый орган, наделенный правом регистрировать законы, но ему заявили, что «французская нация не позволит деспотизму навязывать ей свою волю». Уже не только в Париже, но и в провинции отказывались исполнять королевские указы. Тяжкое

бремя правления всегда угнетало Людовика, а в смутное время оно стало для него совершенно непосильным. «Дворец продать, короля повесить, корону передать достойному», — выводили наемные перья герцога Филиппа Орлеанского, того самого, который во время революции примкнет к монтаньярам и, взяв себе фамилию Эгалите (что означает равенство), проголосует за смерть своего родственника, короля Людовика XVI. Но революции не было дела до династических притязаний: 6 ноября 1793 года гражданин Эгалите сложил голову на гильотине.

9 августа 1788 в обстановке всеобщего напряжения король объявил о созыве Генеральных Штатов, совещательного органа, собиравшегося в особенно трудные для королей времена, когда требовалось одобрение жестких финансовых мер. И вернул Неккера, назначив его генеральным распорядителем финансов и министром, входящим во все советы, в том числе и королевский. С восторгом встреченный народом, Неккер, помимо прочего, предложил увеличить число депутатов от третьего сословия вдвое, ибо издавна от каждого сословия в Генеральные Штаты выбирали по триста депутатов, но голосование проводилось посословно, а не поголовно, так что первые два сословия — аристократия и духовенство — всегда оказывались в большинстве. Но при сложившемся положении такое несоответствие вызывало возмущение, ибо третье сословие являлось самым многочисленным и представляло народ, несущий на своих плечах налоговое бремя, которое пополняло казну, беззащитно растаскиваемую знатью и фаворитами. Новый старый министр сумел убедить короля, что подобная мера хотя бы отчасти снимет царящее в стране напряжение. В результате число мест для депутатов третьего сословия увеличили ровно вдвое, т.е. до 600 человек. В стране началось составление наказов избирателей и выборы будущих депутатов. Избирательные собрания превращались в арену пылких споров, а зачастую и потасовок, страну наводнили агитационные брошюры. Третье сословие выступало против неограниченной монархии как общественного устройства, аристократия нападала на монархию Бурбонов. Герцог Орлеанский, изрядно постаравшийся закрепить в глазах общества дурную репутацию королевы, теперь выливал ушаты грязи на короля. Его тактика сработала: толпа удостоила его титула «друга народа», по тем временам более почетным, нежели звание «добротного короля». «...Франции очевидно грозит революция», — со-

общал из Парижа австрийский посол Мерси-Аржанто. «Это бред. Каждый видит себя законодателем, каждый говорит только о прогрессе. В приемных лакеи читают памфлеты, и каждый день появляются десять или двенадцать новых брошюрок», — изумлялся в письме к отцу Аксель Ферзен. У Людовика, пытавшегося объединить почтение к традициям с готовностью начать реформы, опускались руки. «Меня упрекают в слабости и нерешительности, но никто ни разу не оказывался на моем месте», — писал он. Погода тоже словно сговорилась с врагами короля: весенняя засуха 1788 года сменилась летними шквальными ветрами и градом величиной с куриное яйцо, а за осенней передышкой последовала суровая, необычайно холодная зима. Желая помочь пострадавшим от разгневанной природы, король, неизменно великодушный, когда речь заходила о понятных для него вещах, выпустил лотерею на 12 миллионов ливров.

5 мая 1789 года в Версале, в зале Малых Забав начали заседать Генеральные Штаты. На открытии выступили король, что было воспринято как официальная часть заседания, и Неккер, чьей речи ждали с нетерпением. Король говорил о финансовом кризисе и государственном долге, Неккер — о том же самом, только в три раза дольше и скучнее. Обе речи депутатов разочаровали: ни монарх, ни пока еще любимый народом министр не предложили путей выхода из кризиса и не коснулись вопроса об изменениях в политической системе. Монарх даже пожурил «умы, охваченные излишне лихорадочным стремлением к новшествам», и выразил надежду, что депутаты проявят «мудрость и благоразумие». Но депутаты третьего сословия были настроены именно на перемены. Желание это лучше всех выразил аббат Сийес в своей предвыборной брошюре, оказавшейся самой популярной: «Что такое третье сословие? Всё. Чем оно было до сих пор при существующем порядке? Ничем. Что оно требует? Стать чем-нибудь».

Обескураженные столь вялым началом работы, депутаты занялись проверкой собственных полномочий, работой кропотливой, запутанной, но необходимой, ибо в процессе нее они знакомились друг с другом и, обретая единомышленников, объединялись в клубы по политическим интересам. В на первый взгляд бесплодных дискуссиях о принципах голосования ковались кадры будущих вождей и политических деятелей Французской революции. Король, находившийся в подавленном состоянии со дня открытия

Генеральных Штатов, уехал в Медон, где присоединился к королеве, дежурившей у изголовья умирающего от костного туберкулеза дофина. К счастью для Франции, младший брат дофина, четырехлетний Луи-Шарль, отличался крепким здоровьем, и это утешало если не отца, но короля, пока еще не сомневавшегося в прочности своей власти. Дофин умер в ночь на 4 июня, и Людовик, чтобы не напрягать казну, обратил в деньги парадную серебряную посуду и приказал не устраивать пышных похорон. В стране этой смерти не заметили.

Пока король оплакивал сына и бездействовал, 17 июня третье сословие с примкнувшей к нему частью духовенства провозгласило себя Национальным собранием. Видя решительные действия депутатов третьего сословия, Неккер предложил королю пойти на компромисс: объединить все сословия и объявить равенство в налогообложении. Полагая решение разумным, король выносит его на совет, где придворная клика, прекрасно зная, как трудно даются Людовику принятия решений, насаждает на него и убеждает вернуть все на круги своя, называя депутатов от податного сословия «зарвавшимися простолюдинами». Под натиском знати Людовик сдается и закрывает зал, где происходят заседания, на ремонт, лишив депутатов помещения для заседания. Возмущенные депутаты занимают зал для игры в мяч, где приносят свою знаменитую клятву не расходиться до тех пор, пока не выработают конституцию.

Естественно, следующее появление короля депутаты встречают настроенно, а заявление Людовика о том, что он и «сам может составить счастье своего народа», встречают легкой усмешкой, равно как и заявление о даровании свободы печати и поголовного голосования «по отдельным вопросам». Призвав депутатов разойтись и начать заседания посословно и в специально отведенных помещениях, король под аплодисменты дворян и части духовенства, покидает зал; знать и сановные прелаты следуют за ним.

Но депутаты третьего сословия и депутаты от сельского духовенства остались на местах, а когда дворцовый церемониймейстер напомнил о приказе короля, председатель Собрания астроном Байи ответил, что Собрание имеет право заседать там и тогда, когда сочтет нужным. И тотчас, по предложению громогласного оратора графа Мирабо, получившего депутатский мандат от третьего сословия, Собрание приняло постановление о депутатской неприкосновенности.

Узнав об этом, Людовик только махнул рукой и, как утверждают современники, произнес: «Ну, и черт с ними! Пусть заседают».

Собственно, подобную реплику Людовик, увлекаемый революцией, мог произносить на каждом ее повороте. Был ли он против принимаемых решений, поддерживал ли их, его, в сущности, никто не спрашивал. А когда спрашивали, он начинал колебаться и, в конце концов, вынужден был плыть по течению. Даже оставленное ему на время право вето оказалось каким-то куцым, ненастоящим. Для политиков как республиканского, так и монархического толка, он стал символической фигурой, которой они манипулировали для достижения собственных целей. Иностранцы монархи, к которым Людовик обращался за помощью, прямо заявляли, что для них главное — уничтожить революционного монстра, а кто будет на престоле — Людовик XVI или один из его братьев — совершенно не важно. Pamфлетисты называли его «жирной свиньей», «боровом» из королевского зверинца, которого добрым санкюлотам давно пора заколоть, санкюлоты видели в нем ненавистного Короля, воплощение всех пороков угнетавших народ монархов.

А вполне конкретный Людовик-Август (Август — второе имя, данное ему при рождении), ставший волею судьбы королем Франции Людовиком XVI, не смог отдать приказ разогнать Собрание — как не сможет отдать приказ войскам стрелять в народ, когда жизни его будет грозить опасность. Он не воин, он никогда не любил мундир, никогда его не носил. С детства ему внушали, что король обладает абсолютной властью, и он, как умел, исполнял королевский долг, двигаясь по накатанной колее консервативного абсолютизма, завещанного Людовиком XIV. Бродило идей, постепенно затоплявшее страну, долгое время обтекало Версаль, но, наконец, ворвалось и туда и, подхватив короля и его семью, повлекло их за собой.

После падения Бастилии король встает перед выбором — бежать, бросив трон, или остаться. Людовик готов ко всему: своего мнения у него нет. Большинство при дворе полагает, что ему надо остаться, и он остается. Остается также и королева, не желающая разлучаться ни с мужем, ни с детьми. Подчиняясь обстоятельствам, Людовик практически без охраны едет в Париж, где утверждает все произошедшие изменения (назначение Байи мэром, а героя борьбы за независимость Соединенных Штатов маркиза де Лафайета — командиром только что созданной Национальной гвардии), принимает

ставшую символом революции трехцветную кокарду и с балкона Ратуши произносит невразумительную речь. Впрочем, ее все равно никто не слушает — главное, что король принял символ революции.

Затем наступает передышка. Париж бурлит, Версальский дворец затаился, а король целыми днями пропадает на охоте. Но утром 5 октября приходит тревожная весть — на Версаль движется разъяренная толпа, состоящая в основном из женщин, среди которых также замечены переодетые в женское платье мужчины. Толпа вооружена, она требует к себе «булочника, булочницу и мальчишку-подмастерье булочника», иначе говоря, короля, королеву и дофина. Остановить ее могут только солдаты. Но кто отдаст приказ? Пока разыскивали короля, пока тот раздумывал, какое принять решение, мятежники продвинулись вперед так далеко, что пускать в ход оружие было уже бесполезно: разгневанные люди уже подошли к Версалю. Короля снова начинают уговаривать уехать. И тот снова не может решиться, заявляя, что не желает, чтобы его народ думал, что он бежал от него. Наконец, монарх приказывает закладывать карету. Но поздно: парижане окружили дворец, и часть охранявших его гвардейцев перешла на сторону мятежного народа. На следующий день, повинувшись требованиям толпы, король вместе с семьей и двором отправляется в Париж. Национальные гвардейцы Лафайета под бдительным оком революционной толпы сопровождают королевский кортеж.

Короля, его семью и свиту размещают в обветшавшем дворце Тюильри, построенном во времена Екатерины Медичи. Несмотря на то, что под рукой у Их Величеств постоянно находятся 150 придворных, а всего в Тюильри обосновалось более 700 человек, вращающихся вокруг королевского семейства, ни король, ни королева более не чувствуют себя свободными и видят в приставленных к ним национальных гвардейцах не охрану, а тюремщиков. Вскоре декретом Национального собрания король начинает именоваться не «королем Франции и Наварры», а всего лишь «королем французов», по сути, королем-гражданином. Тяжело пережив этот удар, Людовик XVI погружается в глубокую депрессию. От него никто ничего не требует, но он лишился любимого занятия — охоты. Вновь наступает период затишья.

В начале февраля короля приглашают в Манеж, где теперь заседают Национальное собрание, и он произносит речь о благотворном воздействии на общество будущей Конституции и призывает к миру и

согласию. Депутаты аплодируют: речь короля оправдала их ожидания. А после они снова надолго забывают о короле.

В стране полным ходом шли перемены: вместо полновесной монеты стали выпускать бумажные ассигнаты; страну поделили на 83 департамента, упразднив традиционное деление на провинции; упразднили сословия, превратив всех в «граждан»; конфисковали имущество церкви, разогнали монастыри, создали гражданскую конституцию для духовенства. Надобности в монархе никто не ощущал, и Людовик все больше превращался в живой символ монархического строя. Вокруг него плели заговоры и интриги, уговаривали его бежать, а он наслаждался размеренной жизнью в кругу семьи. Замкнутое существование в Тюильри и любовь к детям как нельзя сблизили его с женой: между ними установилось полное взаимопонимание.

Летом 1790 года королевской семье позволили перебраться за город, в Сен-Клу, где все, несмотря на охрану, почувствовали себя значительно вольготней. Королю разрешили ездить на охоту, и тот немедленно воспользовался этой возможностью. Пламенный революционер Мирабо, мечтавший о восстановлении монархии и министерском портфеле, даже разработал план бегства королевской семьи. Предполагалось, что король уедет в Руан, откуда с помощью верных ему депутатов начнет переговоры с Собранием и вернет себе власть. Но король посчитал необходимым сначала вывезти из Франции своих тетушек... Тем не менее, переговоры с Мирабо продолжались, король регулярно получал его отчеты и оплачивал его долги. Впоследствии, когда будет обнаружена переписка короля с Мирабо, допуская вмешательство в дела Франции иностранных держав, в частности Австрии и Пруссии, она будет использована при обвинении Людовика в предательстве интересов нации.

2 апреля 1791 года Мирабо скончался, лишив трон опоры «в стане врага», и Мария Антуанетта, остро чувствовавшая, как над головой семьи сгущаются тучи, наконец, уговорила Людовика бежать. Но так как он наотрез отказался покинуть территорию Франции, решили, что он отправится в Мец, крепость рядом с германской границей, где, окружив себя верными войсками и призвав на помощь войска соседних монархов, начнет наступление на революцию. Верный Ферзен занялся материальной частью подготовки к побегу: карета, снаряжение, паспорта... Понимая, что его бегство развяжет в стра-

не гражданскую войну, Людовик оставил «Королевский манифест, составленный по выезде из Парижа, и адресованный всем французам». В нем он, укоряя Собрание за то, что они фактически отстранили его от власти, призывал к восстановлению порядка и согласию. Но когда этот документ нашли, он лишь еще больше настроил парижан против короля, особенно когда наименее революционная часть депутатов Собрания попыталось выдать бегство за похищение.

Как известно, побег не удался. То ли из-за плохой подготовки, то ли из-за амбиций королевы, желавшей путешествовать по-королевски, то ли из-за Людовика, не пожелавшего, чтобы их сопровождал иностранец (Ферзен). То ли потому, что, выбравшись, из Парижа, свежий воздух свободы вскружил голову королю, по-прежнему верившему в любовь «своего доброго народа». А еще у кареты сломалось колесо, и, как пишет Мона Озуф, вместе с ним порвалась та нить, что соединяла короля с его народом. Народ стал требовать установления республики. А республике король не нужен. Время ускорило свой бег, но для короля оно топталось на месте.

После восстания 10 августа 1792 из узников Тюильри король и его семья стали узниками старинной башни Тампль. 22 сентября 1792 началась новая эра: Франция стала республикой, а ее бывший король превратился в простого гражданина Капета (от имени основателя династии Гуго Капета). Любовь, согласие и благочестие скрашивало унылые монотонные дни в узком семейном кругу. Настоящая руссоистская идиллия — только в заточении, без надежды на лучшее, только на худшее, о чем свидетельствовали выкрики с улицы и надписи с угрозами, появлявшиеся на стене напротив их окна.

Толчком к началу процесса над королем послужило сообщение слесаря Гамена, до революции обучавшего Его Величество слесарить, об оставшемся в Тюильри личном сейфе короля. Когда сейф вскрыли, бумаги, обнаруженные в нем, вызвали бурю негодования среди республиканцев. Узнав, что Мирабо получал деньги от короля, народ в негодовании расколотил бюсты бывшего кумира, а парижане выбросили его прах из Пантеона. Переписка Людовика с иностранными державами давала повод обвинить короля в двуличии и в ведении тайных переговоров с вражескими державами. Коммуна от имени санкюлотов Парижа потребовала мести за страдания, причиненные Людовиком XVI народу. Робеспьер заявил, что речь пойдет не о судебном процессе, ибо члены Конвента — не судьи, а

о «мерах общественного спасения», об «акте государственной прозорливости». «Людовик должен умереть, чтобы здравствовало отечество», — пришел к выводу Робеспьер, а Марат предложил устроить открытое поименное голосование, иначе говоря, предложил депутатам повязать друг друга кровью короля. Депутаты ощутили холодное веяние черных крыльев смерти: тех, кто не отдаст голос за смерть короля, никогда не признают истинными республиканцами. В результате 387 депутатов высказались за казнь Людовика, и 334 — против.

20 января 1793 года Конвент вынес Людовику Капету смертный приговор. «Когда не станет короля, это еще не значит, что одним человеком станет меньше», — словно подводя итоги голосования, проворчал депутат Манюэль. О покладистом, добродушном и недалеком Людовике-Августе, оказавшимся на троне исключительно волею случая, никто даже не упомянул. «Людовик умел только любить и прощать, а еще он сумел умереть; если бы он умел карать, он смог бы править», — пришел к выводу один из его современников.

